ВОЙНАРОВСКІЙ.

БИБЛІОТЕКА

СОЧИНЕНІЕ

К. РЫЛЬЕВА.

. . . . . Nessum maggior dolore
che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria. . . . . .

Dante.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1825.

А. А. БЕСТУЖЕВУ.

Какъ странникъ грустной, одинокой,
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ тоской глубокой
Бродилъ я въ мірѣ сиротой.
Ужъ въ людяхъ холодъ ненависшной
Примѣтно въ душу проникалъ,
И я въ безумін дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.
Нежапно ты явился мнѣ:
Повязка съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрился вполнѣ,
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.

Примижъ плоды трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга;
Я знаю, другъ, ты примешъ ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства:
За то найдешь живыя чувства;
Я не Поэтъ, а Гражданинъ.

А. А. БЕСТУЖЕВУ.

Какъ странникъ грустной, одинокой,
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ тоской глубокой
Бродилъ я въ мірѣ сироткой.
Ужь къ людямъ холодъ ненавистной
Примѣтно въ душу проникалъ,
И я въ безумія дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.
Незапно ты явился мнѣ:
Повязка съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрился вполнѣ,
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.

Примижъ плоды трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга;
Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства:
За то найдешь живыя чувства;
Я не Поэтъ, а Гражданинъ.

Можетъ быть Читатели удивятся противуположности характера Мазепы, выведеннаго поэтомъ и изображеннаго историкомъ. Считаемъ за нужное напомнить, что въ Поэмѣ самъ Мазепа описываетъ свое состояніе и представляетъ оное, можетъ быть, въ лучшихъ краскахъ; но неумолимое потомство и справедливые историки являютъ его въ настоящемъ видѣ: и могло ли быть иначе?... Для исполненія своихъ самолюбивыхъ видовъ онъ употреблялъ всѣ средства убѣжденія.—Желая преклонить Войнаровскаго, своего племянника, онъ прельщалъ его краснорѣчивыми разсказами и завлекъ его по неопытности въ войну противъ Великаго Государя — но истина восторжествовала, и Провидѣніе наказало измѣнника.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ МАЗЕПЫ.

Мазепа принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ въ Россійской Исторіи XVIII столѣтія. Мѣсто рожденія и первые годы его жизни покрыты мракомъ неизвѣстности. Достовѣрно только, что онъ провелъ молодость свою при Варшавскомъ Дворѣ, находился пажемъ у Короля Іоанна Казимира, и тамъ образовался среди отборнаго Польскаго юношества. Несчастныя обстоятельства, до сихъ поръ еще не объясненныя, заставили его бѣжать изъ Польши. Исторія представляетъ намъ его въ первый разъ въ 1674 году главнымъ совѣтникомъ Дорошенки, который,

подъ покровительствомъ Польши, правилъ землями, лежавшими по правой сторонѣ Днѣпра. Московскій Дворъ рѣшился присоединить въ то время сіи страны къ своей Державѣ. Мазепа, попавшись въ плѣнъ при самомъ началѣ войны съ Дорошенкомъ, совѣтами противъ бывшаго своего начальника много способствовалъ успѣху сего предпріятія и остался въ службѣ у Самойловича, Гетмана Малороссійской Украины. Самойловичъ, замѣтивъ въ немъ хитрый умъ и пронырство, увлеченный его краснорѣчіемъ, употреблялъ его въ переговорахъ съ Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, съ Крымскимъ Ханомъ и съ Поляками. Въ Москвѣ Мазепа вошелъ въ связи съ первыми боярами Царскаго Двора и послѣ неудачнаго похода любимца Софіи Князя Василья Васильевича Голицына въ Крымъ въ 1687 году, чтобъ отклонить отвѣтственность отъ сего Вельможи, онъ приписалъ

неуспѣхъ сей войны благодѣтелю своему Самойловичу, отправилъ о семъ доносъ къ Царямъ Іоанну и Петру, и въ награду за сей поступокъ былъ, по происканъ Голицына, возведенъ въ званіе Гетмана обѣихъ Украинъ.

Между тѣмъ война съ Крымцами не уставала: походъ 1688 года былъ еще неудачнѣе прошлогодняго; здѣсь въ то время произошла перемѣна въ правленіи. Владычество Софіи и ея любимца кончилось, и власть перешла въ руки Петра. Мазепа, опасаясь раздѣлить несчастную участь съ Вельможею, которому онъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ, рѣшился обявить себя на сторонѣ юнаго Государя, обвинилъ Голицына въ лихоимствѣ и остался Гетманомъ.

Утвержденный въ семъ достоинствѣ, Мазепа всячески старался снискать благоволеніе Россійскаго Монарха. Онъ участвовалъ въ Азов-

скомъ походѣ; во время путешествія Петра по чужимъ краямъ счастливо воевалъ съ Крымцами, и одинъ изъ первыхъ совѣтовалъ разорвать миръ съ Шведами. Въ словахъ и поступкахъ онъ казался самымъ ревностнымъ поборникомъ выгодъ Россіи, изъявлялъ совершенное покорство волѣ Петра, предупреждалъ Его желанія, и въ 1701 году, когда Буджацкіе и Бѣлгородскіе Татары просили его о принятіи ихъ въ покровительство согласно съ древними обычаями казаковъ: прежнія козацкія обыкновенія миновались, отвѣчалъ онъ депутатамъ; Гетманы ничего не дѣлаютъ безъ повелѣнія Государя. Въ письмахъ къ Царю Мазепа говорилъ про себя, что онъ одинъ, и что всѣ окружающіе его недоброжелательствуютъ Россіи, просилъ, чтобъ доставили ему случай показать свою вѣрность, позволивъ участвовать въ войнѣ противъ Шведовъ, и въ 1704 году,

послѣ похода въ Галицію, жаловался, что Король Августъ держалъ его въ бездѣйствіи, не далъ ему способовъ къ оказанію важныхъ услугъ Рускому Царю.— Петръ, плѣненный его умомъ, познаніями, и довольный его службою, благоволилъ къ Гетману особеннымъ образомъ. Онъ имѣлъ къ нему неограниченную довѣренность, осыпалъ его милостями, сообщалъ ему самыя важныя тайны, слушалъ его совѣтовъ. Случалось ли, что недовольные, жалуясь на Гетмана, обвиняли его въ измѣнѣ, Государь велѣлъ отсылать ихъ въ Малороссію и судить какъ ябедниковъ, осмѣлившихся поносить достойнаго повелителя казаковъ. Еще въ концѣ 1705 года Мазепа писалъ къ Головину: никогда не отпоргнусь отъ службы премилостивѣйшаго моего Государя. Въ началѣ 1706 года былъ онъ уже измѣнникъ.

Нѣсколько разъ уже Станиславъ Лещинскій подсылалъ къ Мазепѣ по-

вѣренныхъ своихъ съ пышными обѣщаніями и убѣжденіями, преклониться на его сторону: но послѣдній отсылалъ всегда сіи предложенія Петру. Замысливъ измѣну, повелитель Малороссіи почувствовалъ необходимость притворства. Ненавидя Россіянъ въ душѣ, онъ вдругъ началъ обходиться съ ними самымъ привѣтливымъ образомъ; въ письмахъ своихъ къ Государю увѣрялъ онъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, въ своей преданности, а между тѣмъ потаенными средствами раздувалъ между козаками неудовольствіе противъ Россіи. Подъ предлогомъ, что козаки ропщутъ на тягости, понесенныя ими въ прошлогоднихъ походахъ и въ крѣпостныхъ работахъ, онъ распустилъ войско, вывелъ изъ крѣпостей гарнизоны и сталъ укрѣплять Башуринъ; самъ Мазепа притворился больнымъ, слегъ въ постель, окружилъ себя докторами, не вставалъ съ одра по нѣскольку

дней сряду, не могъ ни ходить, ни стоять, и въ то время, какъ всѣ полагали его близкимъ ко гробу, онъ приводилъ въ дѣйствіе свои намѣренія: переписывался съ Карломъ XII и Лещинскимъ, велъ по ночамъ переговоры съ присланнымъ отъ Станислава Іезуитомъ Зеленскимъ о томъ, на какихъ основаніяхъ здать Малороссію Полякамъ, и отправлялъ тайныхъ агентовъ къ Запорожцамъ съ разглашеніями, что Петръ намѣренъ истребить Сѣчу и чтобъ они готовились къ сопротивленію. Гетманъ еще болѣе началъ приворяться по вступленіи Карла въ Россію. Въ 1708 году болѣзнь его усилилась. Тайныя пересылки съ Шведскимъ Королемъ и письма къ Петру сдѣлались чаще. Карла умолялъ онъ о скорѣйшемъ прибытіи въ Малороссію и избавленіи его отъ ига Рускихъ, и въ то же время писалъ къ Графу Гаврилѣ Ивановичу Головкину, что ни какія прелести

не могутъ отторгнуть его отъ высокодержавной руки Царя Русскаго и поколебать недвижимой его вѣрности. Между тѣмъ Шведы были разбиты при Добромъ и Лѣсномъ, и Карлъ обратился въ Украину. Петръ повелѣлъ Гетману слѣдовать къ Кіеву и съ той стороны напасть на непріятельскій обозъ; но Мазепа не двигался изъ Борзны; притворныя страданія его часъ отъ часу усиливались; 22 Октября 1708 писалъ онъ еще къ Графу Головкину: что онъ не можетъ ворочаться безъ пособія своихъ слугъ, болѣе 10 дней не употребляетъ пищи, лишенъ сна и готовясь умереть, уже соборовался масломъ, а 29, явившись въ Горкахъ съ 5000 козаковъ, положилъ къ стопамъ Карла XII булаву и бунчукъ въ знакъ подданства и вѣрности.

Что побудило Мазепу къ измѣнѣ? ненависть ли его къ Русскимъ, полученная имъ еще въ дѣтствѣ во время

его пребыванія при Польскомъ Дворѣ? любовная ли связь съ одною изъ родственницъ Станислава Лещинскаго, которая принудила его перейти на сторону сего Короля? или, какъ нѣкоторые полагаютъ, любовь къ Отечеству, внушившая ему неумѣстное опасеніе, что Малороссія, оставшись подъ владычествомъ Русскаго Царя, лишится правъ своихъ? но въ современныхъ актахъ ея не вижу въ поступкѣ Гетмана Малороссіи сего возвышеннаго чувства, предполагающаго отверженіе отъ личныхъ выгодъ и пожертвованіе собою пользъ сограждан. Мазепа въ универсалахъ и письмахъ своихъ къ козакамъ клялся самыми священными именами, что дѣйствуетъ для ихъ блага; но въ тайномъ договорѣ съ Станиславомъ отдавалъ Польшѣ Малороссію и Смоленскъ съ тѣмъ, чтобъ его признали владѣтельнымъ Княземъ Полоцкимъ и Витебскимъ. Низкое мелочное честолюбіе привело

его къ измѣнѣ. Благо козаковъ служило ему средствомъ къ умноженію числа своихъ соумышленниковъ и предлогомъ для скрытія своего вѣроломства, и могъ ли онъ, воспитанный въ чужбинѣ, уже два раза опятнавшій себя предательствомъ, двигаться благороднымъ чувствомъ любви къ родинѣ?

Генеральный Судья Василій Кочубей былъ давно уже въ несогласіи съ Мазепою. Ненависть его къ Гетману усилилась съ 1704 года послѣ того, какъ сей послѣдній во зло употребляя власть свою, обольстилъ дочь Кочубея, и смѣясь надъ жалобами родителей, продолжалъ съ нею виновную связь. Кочубей поклялся отомстить Мазепѣ; узнавъ о преступныхъ его замыслахъ, можетъ быть движимый усердіемъ къ Царю, рѣшился открыть ихъ Петру. Согласившись съ Полтавскимъ Полковникомъ Искрою, они отправили

доносъ свой въ Москву, а вскорѣ потомъ и сами туда явились: но двадцатилѣтняя вѣрность Мазепы и шестьдесятъ четыре года жизни отдаляли отъ него всякое подозрѣніе. Петръ, приписывая поступокъ Кочубея и Искры личной ненависти на Гетмана, велѣлъ отослать ихъ въ Малороссію, гдѣ сіи несчастные, показавъ подъ пыткою, что ихъ показанія ложны, были казнены 14 Іюля 1708 года въ Борщаговкѣ, въ 8 миляхъ отъ Бѣлой Церкви.

А. К.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ВОЙНАРОВСКАГО.

Андрей Войнаровскій былъ сынъ родной сестры Мазепы, но объ его отцѣ и дѣтствѣ нѣтъ никакихъ вѣрныхъ свѣденій. Знаемъ только, что бездѣтный Гетманъ, провидя въ племянникѣ своемъ дарованія, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ и послалъ учиться въ Германію наукамъ и языкамъ иностраннымъ. Объѣхавъ Европу, онъ возвратился домой, обогативъ разумъ познаніемъ людей и вещей. Въ 1705 году Войнаровскій посланъ былъ на службу Царскую. Мазепа поручилъ его тогда особому покровительству Графа Головина; а въ 1707 году мы уже встрѣчаемъ его Атаманомъ пятитысячнаго отряда, посланнаго Ма-

зепою подъ Люблинъ въ усиленіе Меньщикова, откуда и возвратился онъ осенью тогоже года. Участникъ тайныхъ замысловъ своего дяди, Войнаровскій въ рѣшительную минуту впаденія Карла XII въ Украину, отправился къ Меншикову, чтобы извинить медленность Гетмана и заслонить его поведеніе. Но Меньщиковъ уже былъ разочарованъ: сомнѣнія объ измѣнѣ Мазепы превращались въ вѣроятія, и вѣроятія склонились къ достовѣрности — разсказы Войнаровскаго остались втунѣ. Видя, что каждый часъ умножается опасность его положенія, не принося никакой пользы его сторонѣ, онъ тайно отъѣхалъ къ войску. Мазепа еще притворствовалъ: показалъ видъ, будто разгнѣвался на племянника, и чтобы удалить отъ себя тягостнаго нажидателя Полковника Протасова, упросилъ его изходатайствовать лично у Меньщикова прощеніе Войнаровско-

му за то, что тотъ уѣхалъ не простясь. Протасовъ дался въ обманъ и оставилъ Гетмана, казалось, умирающаго. Явная измѣна Мазепы и прилученіе части Казацкаго войска къ Карлу XII послѣдовали за симъ немедленно, и отъ сихъ поръ судьба Войнаровскаго была нераздѣльна съ судьбою сего славнаго измѣнника и вѣнценоснаго рыцаря, который не разъ посылалъ его изъ Бендеръ къ Хану Крымскому и Турецкому Двору, чтобы возстановить ихъ противу Россіи. Станиславъ Лещинскій нарекъ Войнаровскаго Коренным Воеводою Царства Польскаго, а Карлъ далъ ему чинъ Полковника Шведскихъ войскъ, и по смерти Мазепы назначилъ Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Однакожъ Войнаровскій потерялъ блестящую и вѣрную надежду быть Гетманомъ всей Малороссіи, ибо намѣреніе дяди и желаніе его друзей призывали его въ преемники сего достоин-

сива, отклонилъ отъ себя безземельное Гетманство, на которое осудили его одни бѣглецы, и даже откупился отъ онаго, придавъ Орлику 3000 червонныхъ къ имени Гетмана и заплативъ Кошевому 200 червонцевъ за склоненіе козаковъ на сей выборъ. Наслѣдовавъ послѣ дяди знатное количество денегъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ, Войнаровскій пріѣхалъ изъ Турціи и сталъ очень роскошно жить въ Вѣнѣ, въ Бреславлѣ и въ Гамбургѣ. Его образованность и богатство ввели его въ самый блестящій кругъ Дворовъ Германскихъ, и его ловкость, любезность доставили ему знакомство (кажется весьма двусмысленное) съ славною Графинею Кенигсмаркъ, любовницею противника его Короля Августа, матерью Графа Морица де Саксъ. — Между тѣмъ какъ счастіе ласкало такъ Войнаровскаго забавами и дарами, судьба готовила для него свои перуны. Намѣре-

ваясь отправиться въ Швецію для полученія съ Карла заняпыхъ имъ у Мазепы 240,000 талеровъ, онъ пріѣхалъ въ 1716 году въ Гамбургъ, гдѣ и былъ схваченъ на улицѣ Магистратомъ по требованію Россійскаго Резидента Бестужхера. Однакожъ, въ слѣдствіе протестаціи Вѣнскаго Двора, по правамъ неутралитета, отправленіе его изъ Гамбурга длилось долго, и лишь собственная рѣшимость Войнаровскаго, отдаться милости Петра I, предала его во власть Русскихъ. Онъ представился Государю въ день имянинъ Императрицы, и ея заступленіе спасло его отъ казни. Войнаровскій былъ сосланъ со всѣмъ семействомъ въ Якутскъ, гдѣ и кончилъ жизнь свою, но когда и какъ, неизвѣстно. Миллеръ, въ бытность свою въ Сибири въ 1736 и 1737 годахъ, видѣлъ его въ Якутскѣ, но уже одичавшаго и почти забывшаго иностранные языки и свѣтское обхожденіе.

Такова была жизнь Войнаровскаго, и нравъ его виденъ въ дѣлахъ. Онъ былъ отваженъ, ибо Мазепа не ввѣрилъ бы ему многочисленнаго отряда людей независимыхъ, у коихъ однѣ личныя достоинства могли скрѣплять власть; краснорѣчивъ, что доказываютъ порученія отъ Карла XII и Мазепы; рѣшителенъ и неуклончивъ, какъ это видно изъ размолвки его съ Меншиковымъ; наконецъ ловокъ и обходителенъ, ибо пщеславіе не нарекло бы его въ Вѣнѣ Графомъ (*), если бы любезной дикарь сей не имѣлъ тонкости свѣтской; однимъ словомъ, Войнаровскій принадлежалъ къ числу тѣхъ не многихъ людей, которыхъ Великій Петръ почтилъ именемъ опасныхъ враговъ. Безъ сомнѣнія Войнаровскій, одаренный сильнымъ характеромъ, которому случай далъ развернуться въ такую славную

(*) Въ Вѣнѣ называли его Графомъ.

эпоху, принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ лицъ прошлаго вѣка — лицъ, равно присвоенныхъ Исторіи и Поэзіи, ибо превратность судьбы его предупредила всѣ вымыслы романтика.

А. Б.

ВОЙНАРОВСКІЙ,

Поэма.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ странѣ мятелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
И юртъ бревенчатыя стѣны [1].
Кругомъ сосновый частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ гордостью на диній долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ;
Вдали шумитъ дремучій боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины,
И тянутся кремнистыхъ горъ
Разнообразныя вершины...

Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Реветъ сердитая рѣка,
Бушуетъ часто непогода,
И часто мрачны облака....

Никто страны сей безотрадной,
Обширной узниковъ тюрьмы,
Не посѣтитъ, боясь зимы
И продолжительной и хладной.
Однообразно дни ведетъ
Якутска житель одичалой;
Лишь разъ иль дважды въ круглый годъ
Съ толпой преступниковъ усталой,
Дружина воиновъ придётъ;
Иль за Якутскими мѣхами,
Изъ ближнихъ и далекихъ странъ,
Приходитъ съ Русскими купцами
Въ забытый городъ караванъ.
На мигъ въ то время оживится
Якутскъ унылой и глухой;
Все зашумитъ, засуетится,
Народы разные толпой:
Якутъ и Юкагиръ пустынной,

Неся богатый свой ясакъ [2],
Лѣсной Тунгузъ, и съ пикой длинной
Сибирской строевой Козакъ.

Тогда зима на мигъ единый
Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлетитъ;
Безмолвный лѣсъ заговоритъ,
И чрезъ зеленыя долины
По камнямъ Лена зашумитъ.
Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ,
Почти убитаго тоской,
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье.
Такъ въ душу мрачную влетитъ,
Подъ часъ, спокойствіе ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодѣя прояснитъ.....

Но кто украдкою изъ дому,
Въ туманѣ раннею порой,
Идетъ по берегу крутому
Съ винтовкой длинной за спиной;
Въ полунафтаньѣ, въ шапкѣ черной,
И перетянутъ кушакомъ,

Канъ странъ Днѣпра Козакъ проворной
Въ своемъ нарядѣ боевомъ?
Взоръ безпокойный и угрюмый,
Въ чертахъ суровость и тоска,
И на челѣ его слегка
Тревожныя рисуетъ думы
Судьбы враждующей рука.
Вотъ къ западу простеръ онъ руки;
Въ глазахъ вдругъ пламень засверкалъ,
И съ видомъ нестерпимой муки,
Въ волненьѣ сильномъ онъ сказалъ:

„О край родной! поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать;
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгнаннику не обнимать.

„Горитъ напрасно пламень пылкій
Я не могу полезнымъ быть:
Средь дальной и позорной ссылки
Мнѣ суждено въ тоскѣ изныть.

„О край родной! поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать;
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгнаннику не обнимать.“—

Сказалъ; пошелъ по косогору;
Едва примѣтною тропой
Поворотилъ къ сырому бору,
И вотъ изчезъ въ глуши лѣсной.
Кто ссыльный сей, никто не знаетъ;
Давно въ страну изгнанья онъ,
Молва народная вѣщаетъ,
Въ кибиткѣ крытой привезёнъ.
Улыбки не видать привѣтной
На незнакомцѣ никогда,
И посѣдѣли ужь примѣтно
Его и усъ и борода.
Онъ не Варнавъ [3]; смотри: не видно
Печати роковой на немъ;
Для человѣчества постыдной,
Въ чело вклейменной палачемъ.
Но видъ его суровѣй вдвое,
Чѣмъ дикій видъ чела съ клеймомъ;
Покоенъ онъ: но такъ въ покоѣ
Байкалъ [4] предъ бурей мрачнымъ днёмъ.
Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
Мятильный огонекъ горитъ—
Такъ незнакомца блещутъ очи.

Всегда дичится и молчитъ,
Одинъ, какъ отчужденный, бродитъ,
Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ,
На всѣхъ сурово онъ глядитъ....

Въ странѣ той хладной и дубравной
Въ то время жилъ нашъ Миллеръ [5] славной;
Въ укромномъ домикѣ, въ тиши,
Работалъ для вѣковъ въ глуши,
Съ судьбой боролся своенравной
И жажду утолялъ души.
Изъ родины своей далекой
Въ сей край пустынной завлечёнъ
Къ познаньямъ страстію высокой,
Здѣсь наблюдалъ природу онъ.
Въ часы суровой непогоды
Любилъ разказы стариковъ
Про Ермака и Козаковъ,
Про ихъ отважные походы
По царству хлада и снѣговъ;
Какъ часто, вышедши изъ дому,
Бродилъ по цѣлымъ онъ часамъ
По океану снѣговому,
Или по дебрямъ и горамъ.

Слѣдилъ, какъ солнце яркій пламень
Разливъ по тверди голубой,
На мигъ за Кангалацкій камень
Уходитъ лѣтнею порой.
Все для пришельца было ново:
Природы дикой красота,
Климатъ жестокой и суровой,
И дикихъ нравовъ простота.

Однажды онъ въ морозъ трескучій
Оленя гналъ съ Сибирскимъ псомъ,
Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій —
И мракъ, и тишина кругомъ!
Повсюду сосны вѣковыя,
Иль кедры въ иніи сѣдомъ;
Сплелися вѣтьви ихъ густыя
Непроницаемымъ шатромъ.
Не видно изъ лѣсу дороги. . .
Чрезъ хворостъ, ночки и снѣга
Олень несется быстроногій,
Закинувъ на спину рога,
Вдали межъ соснами мелькаетъ,
Летитъ.... вдругъ выстрѣлъ! .. быстрый

бѣгъ

Олень внезапно прерываетъ . . .
Вотъ зашатался — и на снѣгъ
Окровавленный упадаетъ.
Смущенный Миллеръ робкій взоръ
Туда, гдѣ палъ олень, бросаетъ
Сквозь чащу, вѣшьви, дичь и боръ,
И зритъ: къ оленю подбѣгаетъ
Съ винтовкой длинною въ рукѣ,
Окутанный дахою [6] чорной,
И въ длинношерстномъ чебанѣ [7],
Охотникъ ловкой и проворной. . . .

То ссыльный былъ. Угрюмый взглядъ,
Вооруженье и нарядъ,
И незнакомца видъ унылой,
Все душу страннина страшило. .
Но трепеща въ глуши лѣсной
Блуждать одинъ, путей не зная,
Преодолѣлъ онъ ужасъ свой
И быстрой полетѣлъ стрѣлой,
Бѣгъ къ незнакомцу направляя.
„Кто бъ ни былъ ты, онъ такъ сказалъ,
Будь мнѣ вожатымъ, ради Бога;
Гнавъ звѣря, я съ тропы сбѣжалъ

И въ глушь нечаянно попалъ;
Скажи, гдѣ на Якутскъ дорога?»—
„Она осталась за тобой,
За часъ отсюда, въ ближнемъ долѣ;
Кругомъ все дичь и лѣсъ густой,
И врятъ ли до ночи глухой
Успѣешь выбраться ты въ поле;
Уже вечерняя пора. . .
Но мы въ близи заимки [8] скудной:
Пойдемъ—тамъ въ юртѣ до утра
Ты отдохнешь съ охоты трудной.»—

Они пошли. Все глуше лѣсъ,
Все рѣже виденъ сводъ небесъ. .
Погасло дневное свѣтило;
Настала ночь . . . Вотъ мѣсяцъ всплылъ
И одинокой и унылой,
Дремучій лѣсъ осеребрилъ,
И юрту пушникамъ открылъ.
Пришли—и ссыльный торопливо
Вошедъ въ утрюмый свой пріютъ,
Вдругъ застучалъ кремнемъ въ огниво,
И искры сыпались на трутъ,
Мракъ освѣщая молчаливой,

И каждый въ сталь ударъ кремня,
Въ углу обишели пустынной
То дуло озаряль ружья,
То ратовище пальмы [9] длинной,
То саблю, що конецъ копья.
Глазъ съ незнакомца не спуская,
Близь двери Миллеръ передъ нимъ,
Въ душѣ невольный страхъ скрывая,
Стоитъ и нѣмъ и недвижимъ.....
Вотъ вздувъ огонь, пришлецъ суровый
Проворно жирникъ [10] засвѣтилъ,
Скамью придвинулъ, столъ сосновый
Простою скатертью накрылъ,
И съ лаской гостя посадилъ.
И вотъ за трапезою сытной,
Въ хозяина вперяя взоръ,
Заводитъ странникъ любопытной
Съ нимъ о Сибири разговоръ.
Въ какоежъ Миллеръ удивленье
Былъ незнакомцемъ приведенъ;
И кто бы не былъ пораженъ:
Страны Европейскихъ просвѣщенье
Въ лѣсахъ Сибирскихъ встрѣтилъ онъ!
Покинувъ родину, съ тоскою

Два года Миллерѣ, какѣ чужой,
Бродилѣ бездомнымѣ сиротою
Вѣ странѣ забытой и глухой.
Но тутѣ, вѣ пустынѣ отдаленной,
Онѣ неожиданно, вѣ глуши,
Впервые могѣ тоску души
Отвестѣ бесѣдой просвѣщенной.
При строгой важности лица,
Слова, высокихѣ мыслей полны,
Изѣ устѣ сѣдаго пришлеца,
Вѣ избышнѣ чувствѣ текли, какѣ волны.
Вѣ бесѣдѣ долгой и живой
Глаза у обоихѣ сверкали;
Они другѣ друга понимали;
И, какѣ друзья, вѣ глуши лѣсной
Взаимно души открывали.
Усталый странникѣ позабылѣ
И поздній часѣ и сонѣ отрадный,
И слушать незнакомца жадный,
Казалось, весь вниманье былѣ.

»Ты знать желаешѣ, добрый странникѣ,
Кто я, и какѣ сюда попалѣ?—

Такъ незнакомецъ продолжалъ,—
Того до сей поры изгнанникъ
Здѣсь никому не повѣрялъ.
Иныхъ здѣсь чувствъ и мнѣній люди:
Они не поняліб̀ъ меня,
И повѣсть мрачная моя
Не взволновала бы ихъ груди.
Тебѣ же тайну ввѣрю я
И чувствва сердца обнаружу;
Ты въ родинѣ. какъ должно мужу,
Наукой просвѣтилъ себя.
Ты все поймешъ, ты все оцѣнишъ,
И нещастливцу не измѣнишъ....

„Дивись же странникъ молодой,
Какъ гонитъ смертныхъ рокъ свирѣпый:
Въ одеждѣ дикой и простой,
Узнай—сидитъ передъ тобой
И другъ, и родственникъ Мазепы! [11]
Я Войнаровскій. Обо мнѣ
И о судьбѣ моей жестокой
Ты, можетъ быть, въ родной странѣ
Слыхалъ не разъ, съ тоскою глубокой.....
Ты видишъ: днѣ я и угрюмъ,

Брожу, какъ осповъ, очи впали,
И на челѣ бразды печали,
Какъ отпечатокъ тяжкихъ думъ,
Страдальцу видъ суровой дали.
Между лѣсовъ и грозныхъ скалъ,
Какъ вѣчный узникъ безотраденъ,
Я одряхлѣлъ, я одичалъ,
И какъ климатъ Сибирскій, сталъ
Въ своей душѣ жестокъ и хладенъ.
Ничто меня не веселитъ,
Любовь и дружество мнѣ чужды,
Печаль свинцомъ въ душѣ лежитъ,
Ни до чего нѣтъ сердцу нужды.
Бѣгу, какъ недругъ, отъ людей;
Я не могу снести ихъ вида:
Ихъ жалость о судьбѣ моей
Мнѣ нестерпимая обида.
Кто брошенъ въ дальные снѣга
За дѣло чести и отчизны, (*)
Тому сноснѣе укоризны,
Чѣмъ сожалѣніе врага.

(*) „*Такъ извиняетъ свое преступленіе справед-*
„*ливо и милосердо наказанный Вѣнаровскій.*“

И ты печально не гляди,
Не изъявляй мнѣ сожалѣнье,
И такъ жестоко не буди
Въ моей измученной груди
Тоски уснувшей на мгновенье.
Признаться,ялъ, странникъ: я бъ желалъ,
Чтобъ люди узнина чуждались,
Чтобъ взглядъ мой душу ихъ смущалъ,
Чтобы меня средь ешихъ скалъ,
Какъ привидѣнія, пугались.
Ахъ! можетъ быть, тогда покой
Сдружился бы съ моей душой....
Но зналъ и я, когда-то, радость
И отъ души людей любилъ,
И полной чашею испилъ
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лонъ щастья и свободы,
Мои младенческіе годы
Ручьемъ игривымъ. прошекли;
Какъ легкій сонъ, какъ привидѣнье,
За ними радость на мгновенье,
А вмѣстъ съ нею суеты,

Война, любовь, печаль, волненье,
И пылкой юности мечты.

„Врагъ хищныхъ Крымцевъ, врагъ Поляковъ,
Я часто за Палеемъ [12] въ слѣдъ,
Съ вашагой [13] храбрыхъ Гайдамаковъ [14]
Искалъ иль смерти, иль побѣдъ.
Бывало кони быстроноги
Въ степяхъ и дикихъ и глухихъ,
Гдѣ нѣтъ жилья, гдѣ нѣтъ дороги,
Мчатъ вихремъ всадниковъ лихихъ.
Дыша любовью къ дикой волѣ,
Бодры и веселы безъ сна,
Мы воздухомъ питались въ полѣ,
И малой горстью толокна [15].
Въ неотразимые набѣзды
Намъ путь указывали звѣзды,
Иль шумный вѣтеръ, иль курганъ;
И мы, какъ туча громовая,
Внезапно и отъ разныхъ сторонъ,
Пустыню воплемъ оглашая,
На вражій набѣжали станъ,
Дружины грозныя громили,

Селенія и грады въ прахъ,
И въ земли чуждыя вносили
Опустошеніе и страхъ.
Враги вездѣ отъ насъ бѣжали,
И, трепеща постыдныхъ узъ,
Постыдной данью покупали
У насъ сомнительный союзъ.

„Однажды, увлеченъ отвагой,
Я съ малочисленной ватагой
Неустрашимыхъ удальцовъ,
Ударилъ на толпы враговъ.
Бой длился до ночи. Поляки
Уже смѣшалися въ рядахъ,
И строясь далѣ, на холмахъ,
Намъ уступали поле драки.
Вдругъ слышимъ Крымцевъ дикій гласъ...
Поля и стонутъ и трясутся...
Глядимъ—со всѣхъ сторонъ на насъ
Толпы враждебныя несутся...
Въ одно мгновенье тучи стрѣлъ:
Въ дружину нашу засвистали;
Вотще я устоять хотѣлъ:
Враги все болѣ насъ стѣсняли

И, наконецъ, покинувъ бой,
Мы степью дикой и пустой
Разсыпались и побѣжали...
Погоню слыша за собой,
И раненый и изнуренный,
Я на конѣ летѣлъ стрѣлой,
Страшася въ плѣнъ попасть презрѣнный.

»Ужь Крыма хищные сыны
За мною гнаться перестали;
За рубежемъ родной страны
Ужь хутора [16] вдали мелькали.
Ужь въ куренях [17] я зрѣлъ огонь,
Уже я думалъ—вотъ примчался!
Какъ вдругъ мой изнуренной конь
Остановился, зашатался,
И близъ границъ страны родной
На землю грянулся со мной...

»Одинъ, вблизи степной могилы, [18]
Съ конемъ издохнувшимъ своимъ,
Подъ сводомъ неба голубымъ
Лежалъ я мрачный и унылый.
Катился градомъ потъ съ чела,

Изъ раны кровь ручьемъ текла...
Напрасно помощь призывая,
Я слабый голосъ подавалъ;
Въ степи пустынной изчезая,
Едва родясь, онъ умиралъ.

»Все было тихо.... лишь могила
Уныло съ вѣтромъ говорила [19].
И одинока, и блѣдна,
Плыла двурогая луна
И озаряла сумракъ ночи.
Я безъ движенія лежалъ;
Ужь я, казалось, замиралъ;
Уже, заглядывая въ очи,
Надъ мною хищный врагъ леталъ..... [20]
Вдругъ слышу шорохъ за курганомъ,
И зрю: покрытая сединомъ, [21]
Козачка юная стоитъ,
Склоняясь робко надо мною,
И на меня съ нѣмой тоскою
И нѣжной жалостью глядитъ.

»О незабвенное мгновенье!
Воспоминанье о тебѣ,

На зло враждующей судьбѣ,
И здѣсь страдальцу упоенье!
Я не забылъ его съ тѣхъ поръ;
Я помню сладость первой встрѣчи,
Я помню ласковыя рѣчи
И полный состраданья взоръ.
Я помню радость дѣвы нѣжной,
Когда страдалецъ безнадежной
Былъ подъ хранительную сѣнь
Снесенъ къ отцу ея въ курень.
Съ какой заботою ходила
Она за страждущимъ больнымъ;
Съ какимъ участіемъ живымъ
Мои желанія ловила.
Я всѣ ушѣхи находилъ
Въ моей Козачкѣ черноокой;
Въ ея словахъ я нѣгу пилъ
И облегчалъ недугъ жестокой.
Въ часы безсонницы моей,
Она, прижавшись къ изголовью,
Сидѣла съ тихою любовью
И не сводя съ меня очей.
Въ часъ моего успокоенья
Она ходила собирать

Сшепныя шравы и норенья,
Чтобъ ими друга врачевать.
Какъ часто нѣжно и привѣтно
На мнѣ прекрасной взоръ бродилъ,
И я Козачку непримѣтно
Душою пылкой полюбилъ.
Въ своей невинности сначала
Она меня не понимала;
Я тосковалъ, кипѣла кровь!
Но скоро пылкая любовь
Ивъ милой дѣвѣ запылала. . .
Настала щастія пора!
Подругой юной изцѣленный,
Съ душей, любовью упоенной,
Я обновленный всталъ съ одра.
Не долго мы любовь таили,
Мы скоро жаръ сердецъ своихъ
Ея родителямъ открыли,
И на союзъ сердецъ просили
Благословенія у нихъ.

»Три года молніей промчались
Подъ кровомъ хижины простой;
Съ моей подругой молодой

Ни разу мы не разлучались.
Среди пустынь, среди степей,
Въ кругу рѣзвящихся дѣтей,
На мирномъ лонѣ сладострастья,
Съ Козачкой милою моей
Вполнѣ узналъ я цѣну щастья.
Угрюмый Гетманъ насъ любилъ,
Какъ дѣдъ, дарилъ малюшонъ милыхъ,
И наконецъ, изъ мѣстъ унылыхъ
Въ Башуринъ насъ переманилъ.

»Все шло обычной чередой.
Я щастливъ былъ: но вдругъ покой
И щастіе мое сокрылось;
Нагрянулъ Карлъ на Русь войной:
Все на Украйнѣ ополчилось,
Съ веселъемъ всѣ летятъ на бой;
Лишь только мракомъ и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Изъ-подъ бровей навислыхъ сталъ
Сверкать какой-то пламень диній;
Угрюмый съ нами, онъ молчалъ,
И равнодушнѣе внималъ
Полковъ привѣтственные клики.

»Вину шапнственной тоски
Вощще я разгадать старался;
Мазепа отто всѣхъ скрывался,
Молчалъ—и собиралъ полки.
Однажды позднею порою
Онъ въ свой дворецъ меня призвалъ;
Вхожу, и слышу: »Я желалъ
Давно бесѣдовать съ тобою;
Давно хотѣлъ открыться я
И важную повѣрить тайну;
Но наперед завѣрь меня,
Что ты при случаѣ себя
Не пожалѣешь за Украйну«—(*)
—»Готовъ всѣ жертвы я принесть,
Воскликнулъ я, странѣ родимой;
Отдамъ дѣтей съ женой любимой;
Себѣ одну оставлю честь.«—
Глаза Мазепы засверкали;
Какъ предъ разсвѣтомъ ночи мгла,
Съ его угрюмаго чела
Сбѣжало облако печали.

(*) *„Напрасная забота! О благѣ Украины пекся „великій преобразователь Россіи.“*

Сжавъ руку мнѣ, онъ продолжалъ:
»Я зрю въ тебѣ Украйны сына;
Давно прямаго гражданина
Я въ Войнаровскомъ угадалъ.
Я не люблю сердецъ холодныхъ:
Они враги родной странѣ,
Враги священной старинѣ:
Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ.
Имъ чувствъ высокихъ не дано,
Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы,
Отъ колыбели до могилы
Имъ пресмыкаться суждено.
Ты не таковъ; я ето вижу;
Но чувствъ твоихъ я не унижу,
Сказавъ, что родину мою
Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
Нанъ должно юному герою,
Любя страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтями и собою
Ты ей пожертвовать готовъ...
Но я, но я, пылая местью,
Ее спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей честью.
Но въ тайнѣ приступить пора:

Я чту Великаго Петра,
Но — покаряяся судьбинѣ,
Узнай: я врагъ ему отнынѣ! . . . .
Шагъ этотъ дерзокъ, знаю я;
Отъ случая всему рѣшенье,
Успѣхъ не вѣренъ — и меня
Иль слава ждетъ, иль поношенье! (*)
Но я рѣшился; пусть судьба
Грозитъ странѣ родной злощастьемъ;
Ужь близокъ часъ, близка борьба [23].
Началомъ бѣдъ моихъ была
Сія бесѣда роковая!
Съ тѣхъ поръ пора утѣхъ прошла,
Съ тѣхъ поръ, о родина святая!
Лишь ты всю душу заняла.
Мазепѣ предался я слѣпо,
И, другъ отчизны, другъ добра,
Я поклялся враждой свирѣпой
Противъ Великаго Петра.

(*) „*Какая слава озарила бы Мазепу, если бы*
„*онъ содѣйствовалъ* Петру *въ незабвенную*
„*битву Полтавскую! какое безславіе окры-*
„*ваетъ его за вѣроломное оставленіе побѣдо-*
„*носныхъ рядовъ* Петра!

Ахъ, можетъ былъ я въ заблужденьѣ,
Кипящей ревностью горя;
Но я въ слѣпомъ ожесточеньѣ
Тираномъ почиталъ Царя...
Быть можетъ, увлеченный страстью,
Не могъ я цѣну дать ему,
И относилъ то къ самовластью,
Что свѣтъ отнесъ къ его уму.
Судьбѣ враждующей послушенъ,
Переношу я жребій свой,
Но, ахъ! вдали страны родной
Могуль всегда быть равнодушенъ?
Рожденный съ пылкою душой,
Полезнымъ быть родному краю,
Съ надеждой славиться войной,
Я безполезно изнываю
Въ странѣ пустынной и чужой.
Какъ тѣнь вездѣ тоска за мною,
Ужъ гаснетъ огнь моихъ очей,
И таю я, какъ ледъ весною
Отъ распаляющихъ лучей.
Душѣ честолюбивой бремя
Весни съ бездѣйствіемъ борьбу;
Но какъ ужасно знать до время

Свою ужасную судьбу!
Судьбу — всю жизнь влача въ кручинѣ,
Тая тоску въ душѣ своей,
Зрѣть гробъ въ безбрежной сей пустынѣ,
Далеко отъ родныхъ степей....
Почто, почто въ битвѣ кровавой,
Летая гордо на конѣ,
Не встрѣтилъ смерти подъ Полтавой?
Почто съ безславіемъ, иль славой
Я не погибъ въ родной странѣ?
Увы! умру въ семъ царствѣ ночи!
Мнѣ такъ судилъ жестокой рокъ;
Умру я — и чужой песокъ
Изгнанника засыплетъ очи!«

ВОЙНАРОВСКІЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ужь было ясно и свѣтло,
Морозъ стрѣлялъ въ глуши дубравы [1],
По небу сѣрому текло
Свѣтило дня, какъ шаръ кровавый.
Но въ юрту день не проникалъ;
Скользя сквозь вѣтви древъ густыя,
Едва на окна ледяныя [2]
Лучь одинокой ударялъ.

Знакомцы новые сидѣли
Уже давно предъ очагомъ;
Дрова сосновыя дошлѣли,
Лишь угли красные блестѣли
Порою синимъ огонькомъ.
Недвижно добрый странникъ внемлетъ
Страдальца горестный разказъ,

И часто гнѣвъ его объемлетъ,
Иль слезы падаютъ изъ глазъ. . . . .

»Видалъ ли ты когда весной,
Освобожденная изъ плѣна,
Въ брегахъ крутыхъ несется Лена?
Когда, гоня волну волной
И разрушая всѣ преграды,
Ломаетъ льдистыя громады,
Иль поднимая дикій вой,
Клубится и бугры вздымаетъ,
Утесы съ ревомъ отторгаетъ
И ихъ уноситъ за собой,
Шумя, въ невѣдомыя степи? . . .
- - - - - - - - - - - - - - - -
На гласъ отчизны и вождей,
Низпровергая всѣ препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческихъ степей.

»Лешая за гремящей славой,
Я жизни юной не щадилъ,
Я степи кровью обагрилъ,

И свой булатъ въ войнѣ кровавой
О кости Русскихъ пришупилъ.

»Мазепа съ Сѣвернымъ героемъ
Давалъ въ Украйнѣ бой за боемъ.
Дымились кровію поля,
Тѣла разбросанныя гнили,
Ихъ псы и волки теребили;
Казалась трупомъ вся земля!
Но всѣ усилья тщетны были:
Ихъ умъ Петровъ преодолѣлъ;
Часъ битвы роковой приспѣлъ—
И мы отчизну погубили!
Полтавской громъ загрохоталъ. . .
Но въ грозной битвѣ Карлъ свирѣпой
Противъ Петра не устоялъ!
Разбитъ, впервые онъ бѣжалъ;
Во слѣдъ ему—и мы съ Мазепой.

»Почти безъ отдыха пять дней
Бѣжали мы среди степей,
Боясь вражеской погони;
Уже измученные кони
Служить отказывались намъ

Дрожа отъ стужи по ночамъ,
Изнемогая въ день отъ зноя,
Едва сидѣли мы верхомъ. . .
Однажды въ полночь подъ лѣсомъ,
Мы для минутнаго покоя
Остановились за Днѣпромъ.
Вокругъ синѣла степь глухая,
Луну затмили облака,
И тишину перерывая,
Шумѣла въ берегахъ рѣка.
На войлокѣ простомъ и грубомъ,
Главою на сѣдло склоненъ,
Усталый Карлъ дремалъ подъ дубомъ,
Толпами рашныхъ окруженъ.
Мазепа подъ костромъ сосновымъ
Вдали, на почернѣвшемъ пнѣ,
Сидѣлъ въ глубокой тишинѣ,
И съ видомъ мрачнымъ и суровымъ,
Какъ другу открывался мнѣ:

»О какъ невѣрны наши блага!
О какъ подвластны мы судьбѣ!
Вотще въ душахъ кипитъ отвага:
Уже насталъ конецъ борьбѣ.

Одно мгновенье все рѣшило,
Одно мгновенье насъ сгубило. .
- - - - - - - - - - - - - - - - - -
- - - - - - - - - - - - - - - - - -
Мазепѣль духомъ унижашься,
Не буду рока я рабомъ;
И мнѣ ли съ рокомъ не сражаться,
Когда сражался я съ Петромъ?
Такъ, Войнаровскій, испытаю,
Покуда длится жизнь моя,
Всѣ способы, всѣ средства я,
Чтобы помочь родному краю.
Спокоенъ я въ душѣ своей;
И Петръ и я—мы оба правы (*);
Какъ онъ, и я живу для славы,
Для пользы родины моей.«—[3]
Замолчалъ онъ; глаза сверкали;
Дивился я его уму;
Дрова трещала ужъ догорали.
Мазепа легъ: но вдругъ къ нему

(*) „Это голосъ безразсуднаго отчаянія Мазепы, „разбитаго подъ Полтавою. — Удивительна „дерзость, сравнивать себя съ Петромъ.“—

Двухъ плѣнныхъ Козаки примчали.
Облокотяся, вождь сѣдой,
Волнуемъ тайно мрачной думой,
Спросилъ, взглянувъ на нихъ угрюмо:
»Что новаго въ странѣ родной?«—

»Я изъ Башурина недавно,
Одинъ изъ плѣнныхъ отвѣчалъ;
Народъ Петра благословлялъ,
И радуясь побѣдѣ славной,
На стогнахъ шумно пировалъ;
Тебяжъ, Мазепа, какъ Іуду,
Клянутъ Украинцы повсюду;
Дворецъ твой, взятый на копье,
Былъ преданъ намъ на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь — и брань и поношенье!«

»Въ отвѣтъ, склонивъ на грудь главу,
Мазепа горько улыбнулся;
Прилегъ, безмолвный, на траву
И въ плащъ широкій завернулся.
Мы всѣ съ участіемъ живымъ
За Гетмана нылая местью,

Стояли молча передъ нимъ,
Поражены ужасной вѣстью.
Онъ приковалъ къ себѣ сердца:
Мы въ немъ главу народа чтили,
Мы обожали въ немъ отца,
Мы въ немъ отечество любили.
Не знаю я, хотѣлъ ли онъ
Спасти отъ бѣдъ народъ Украйны,
Иль въ ней себѣ воздвигнуть тронъ,—
Мнѣ Гетманъ не открылъ сей тайны.
По нраву хитраго вождя
Успѣлъ я въ десять лѣтъ привыкнуть;
Но никогда не въ силахъ я
Былъ замысловъ его проникнуть.
Онъ скрытенъ былъ отъ юныхъ дней,
И, странникъ, повторю: не знаю,
Что въ глубинѣ души своей
Готовилъ онъ родному краю.
Но знаю то, что запая
Родство, и дружбу, и природу,
Его сразилъ бы первый я,
Когдабъ онъ сталъ врагомъ народу [5].

»Съ разсвѣтомъ дня мы снова въ путь
Помчались по степи унылой.
Какъ тяжко взволновалась грудь,
Какъ сердце юное заныло,
Когда рубежъ страны родной
Узрѣли мы передъ собой!

»Въ волненьи чувствъ, тоской томимый,
Я какъ ребенокъ зарыдалъ,
И взявши горсть земли родимой,
Къ кресту съ молитвой привязалъ.
»Быть можетъ — думалъ я, рыдая —
Украйны мнѣ ужь не видать!
Хоть ты, земля роднаго края,
Меня въ чужбинѣ утѣшая,
Отъ грусти будешь врачевать,
Отчизну мнѣ напоминая.« . . [6]

»Увы! предчувствіе сбылось:
Судьбы велѣньемъ самовластной,
Съ тѣхъ поръ на родинѣ прекрасной
Мнѣ побывать не довелось. . .

»Въ странѣ глухой, въ странѣ безводной,
Гдѣ только изрѣдка ковыль

По степи стелется безплодной,
Мы мчались, поднимая пыль.
Коней мы вовсе изнурили,
Страдалъ увѣнчанный бѣглецъ (*),
И съ горстью Шведовъ, наконецъ
Въ Бендеры къ Туркамъ мы вступили.
Тутъ въ страшный недугъ Гетманъ впалъ
Онъ непрестанно трепеталъ,
И взглядъ кругомъ бросая быстрой,
Меня и Орлика онъ звалъ,
И задыхаясь, увѣрялъ,
Что Кочубея видитъ съ Искрой.

»Вотъ, вотъ они!.... при нихъ палачь
— Онъ говорилъ, дрожа отъ страху —
Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стенанія и плачь. . .
Готовъ ужь исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки. .
Вотъ покатилась голова. . . . .
И вотъ другая! . . . . . всѣ трепещутъ!
Смотри какъ страшно очи блещутъ!«....

(*) *Карлъ XII.*

»То въ ужасѣ, порой, съ одра
Бросался онъ въ мои объятья;
»Я вижу грознаго Петра!
Я слышу страшныя проклятья!
Смотри: блестятъ свѣчами храмъ,
Съ кадильницъ вьётся ѳиміамъ....
Митрополитъ, грозящій взоромъ,
Такъ возглашаетъ съ громкимъ хоромъ:
Мазепа проклятъ въ родъ и родъ:
Онъ погубить хотѣлъ народъ!« —[8]

»То трепеща и цѣпенѣя,
Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь,
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную ихъ дочь.
Въ страданьяхъ сихъ изнемогая,
Молитву громко онъ читалъ,
То горько плакалъ и рыдалъ,
То дикій взглядъ на всѣхъ бросая,
Онъ, какъ безумный, хохоталъ.
То въ память приходя порою,
Онъ очи, полные тоскою,
На насъ уныло устремлялъ.

»Въ девятый день примѣтно стало
Мазепѣ подъ вечеръ трудно̀й;
Изнеможенный и усталый,
Дышалъ онъ рѣже и слабѣй;
Томимъ болѣзнію своей,
Хотѣлъ онъ скрыть, казалось, муку....
Къ нему я бросился, взялъ руку;
Увы! она уже была
И холодна, и тяжела!
Глаза остановясь смотрѣли,
Потъ проступалъ, онъ отходилъ....
Но вдругъ, собравъ остатокъ силъ,
Онъ приподнялся на постели,
И бросивъ пылкій взглядъ на насъ:
»О Петръ! О родина!« —воскликнулъ.
Но съ симъ въ страдальцѣ замеръ гласъ,
Онъ вновь упалъ, главой поникнулъ,
Въ меня недвижный взоръ вперилъ,
И вздохъ послѣдній испустилъ.....
Безъ слезъ, безъ чувствъ, какъ мраморъ хладный,
Передъ умершимъ я стоялъ,
Я умъ и память потерялъ,
Убитый грустью безотрадной..

»Насталъ день грустныхъ похоронъ:
Самъ Карлъ, и мрачный, и унылый,
Вождя Украйны до могилы
Съ дружиной Шведовъ провожалъ.
Козакъ и Шведъ равно рыдали;
Я шелъ, какъ тѣнь, въ кругу друзей.
О странникъ! странникъ! всѣ мечтали,
Что мы съ Мазепой погребали
Надежду родины своей.
Увы! послѣдній долгъ герою
Чрезъ силу я отдать успѣлъ.
Въ тотъ самый день внезапно мною
Недугъ жестокой овладѣлъ.
Я былъ ужъ на краю могилы:
Но жизнь во мнѣ зажглась опять,
Мои возобновились силы,
И снова началъ я страдать.

»Бендеры мнѣ противны стали,
Я ихъ покинулъ и летѣлъ
Отъ земляковъ въ чужой предѣлъ,
Разсѣять мракъ своей печали.
Но ахъ, напрасно! рокъ за мной
Съ неотразимою бѣдой,

Какъ духъ враждующій, стремился:
Я схваченъ былъ толпой враговъ,
И въ вѣчной ссылкѣ очутился
Среди пустынныхъ сихъ лѣсовъ....

»Ужь много лѣтъ прошло въ изгнаньѣ.
Въ глухой и дикой сторонѣ
Спасеніе и упованье
Была святая Вѣра мнѣ.

»Я привыкалъ къ нещастной долѣ;
Лишь объ Украйнѣ и родныхъ,
Украдкой отъ враговъ моихъ,
Грустилъ я часто по неволѣ.
Что сталось съ родиной моей?
Кого въ Петрѣ—врага, иль друга
Она нашла въ судьбѣ своей?
Гдѣ слезы льетъ моя подруга?
Увижуль я своихъ друзей?
Такъ я души покой минутной
Въ своемъ изгнаньи возмущалъ,
И отъ тоски и думы смутной,
Покинувъ городъ безпріютной,
Въ лѣса и дебри убѣгалъ.

Въ моей тоскѣ, въ моемъ нещастьѣ,
Мнѣ былъ отраденъ шумъ лѣсовъ,
Отрадно было мнѣ ненастье,
И вой грозы, и плескъ валовъ.
Во время бури заглушала
Борьба стихій борьбу души;
Она мнѣ силы возвращала,
И на мгновеніе, въ глуши,
Душа страдать переставала.

»Разъ у Якутской юрты я
Стоялъ подъ сосной одинокой;
Буранъ шумѣлъ вокругъ меня
И свирѣпѣлъ морозъ жестокой;
Передо мной скалы и лѣсъ
Грядой тянулися безбрежной;
Вдали, какъ море, съ степью снѣжной
Сливался темный сводъ небесъ.
Отъ юрты вдаль, тальникъ кудрявый
Подъ снѣгомъ стлался, между горъ
Въ боку былъ видѣнъ черный боръ
И берегъ Лены величавой.
Вдругъ вижу: женщина идетъ,
Дахой убогою прикрыша,

И связку дровъ едва несетъ,
Работой и тоской убита.
Я къ ней, и что же? .. узнаю
Въ нещастной сей, въ морозъ и вьюгу,
Козачку юную мою,
Мою прекрасную подругу! ...

»Узнавъ объ участи моей
Она изъ родины своей,
Пошла искать меня въ изгнанье.
О странникъ! тяжко было ей
Не раздѣлять со мной страданье.
Встрѣчала много на пути
Она страдальцовъ знаменитыхъ,
Но не могла меня найти:
Увы! я здѣсь въ числѣ забытыхъ.
Законъ велитъ молчать, кто я,
Начальникъ самъ того не знаетъ.
Объ томъ и спрашивать меня
Никто въ Якутскѣ не дерзаетъ.

»И добрая моя жена,
Судьбой гонимая жестокой,
Была блуждать осуждена,
Тая тоску въ душѣ высокой.

»Ахъ, говоришь ли, странникъ мой,
Тебѣ объ радости печальной
Привстрѣчъ съ доброю женой
Въ странѣ глухой, въ странѣ сей дальной?

»Я ожилъ съ нею; но дѣтей
Я не нашелъ уже при ней
Отца и матери страданья
Имъ не судилъ узнать Творецъ;
Они не зрѣвъ страны изгнанья,
Вкусили радостный конецъ.

»Съ моей подругой возвратилось
Душѣ спокойствіе опять;
Мнѣ будто легче становилось;
Я началъ рѣже тосковать.
Но, ахъ! не долго щастье длилось;
Оно, какъ сонъ, изчезло вдругъ.
Давно закравшійся недугъ
Въ младую грудь подруги милой,
Съ весной примѣтно сталъ сближать
Ее съ безвременной могилой.
Тутъ мнѣ судилъ Творецъ узнать
Всю доброту души прекрасной

Моей страдалицы нещастной.
Болѣзнію изнурена,
Съ какой заботою она
Свои страданья скрыть старалась:
Она шутила, улыбалась,
О прежнихъ говорила дняхъ,
О падшемъ дядѣ, о дѣтяхъ.
Къ ней жизнь, казалось, возвращалась
Съ порывомъ пылкихъ чувствъ ея;
Но часто тайно, отъ меня,
Она слезами обливалась.
Ей жизнь и силы возвратить
Я небеса молилъ напрасно;
Судьбы ни чѣмъ не отвратить.
Настала для сердца часъ ужасной!
»Мой другъ! — сказала мнѣ она—
Я умираю, будь покоенъ;
Намъ здѣсь печаль была дана;
Но, другъ, есть лучшая страна:
Ты по душѣ ее достоинъ.
О! такъ, мы свидимся опять!
Тамъ ждетъ награда за страданья,
Тамъ нѣтъ ни казней, ни изгнанья,
Тамъ насъ не будутъ разлучать.« —

Она умолкла. Вдругъ примѣтно
Сталъ угасать огонь очей.
И, наконецъ, вздохнувъ сильнѣй,
Она, съ улыбкою привѣтной,
Увяла въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Безвременно, въ Сибири хладной,
Какъ на изсохшемъ стеблѣ цвѣтъ
Въ теплицѣ душной, безотрадной.

»Могильный, грустный холмъ ея
Близь юрты сей насыпалъ я.
Съ закатомъ солнца я, порою,
На немъ въ безмолвіи сижу,
И чудотворною мечтою
Лѣта прошедшія бужу.
Всё воскресаетъ предо мною:
Друзья, Мазепа и война,
И съ чистою своей душою
Невозвратимая жена.

»О странникъ! намять о подругѣ
Страдальцу бодрость въ душу льетъ;
Онъ равнодушнѣй смерти ждетъ
И плачетъ сладостно о другѣ.

»Какъ часто вспоминаю я
Надъ хладною ея могилой
И свойства добрыя ея,
И пылкій умъ, и образъ милой!
Съ какою страстію она,
Высокихъ помысловъ полна,
Свое отечество любила.
Съ какою живостію объ немъ
Въ своемъ изгнаньи роковомъ
Она со мною говорила!
Неутолимая печаль
Её тягча, снѣдала тайно;
Ея тоски не зрѣлъ Москаль;
Она ни разу, и случайно,
Врага страны своей родной (*)
Порадовать не захотѣла
Ни тихимъ вздохомъ, ни слезой.
Она могла, она умѣла
Гражданкой и супругой быть,
И жаръ къ добру души прекрасной,
Въ укоръ судьбинѣ самовластной
Въ самомъ страданьи сохранить.
- - - - - - - - - - - - - - - - - - - -

(*) *Татары и Поляки.*

Съ утратой сей отъ бѣдъ усталой,
Съ душой для щастія увялой,
Я вѣру въ щасшье потерялъ;
Я много горя испыталъ,
Но тяжкой жизнью недовольной,
Какъ трусъ презрѣнный, не искалъ
Спасенья въ смерши самовольной.
Не разъ встрѣчалъ я смерть въ боях ъ;
Она кругомъ меня ходила
И груды труповъ громоздила
Въ родныхъ Украинскихъ степяхъ.
Но никогда, ей въ очи глядя,
Не содрогнулся я душой;
Не забывалъ, стремяся въ бой,
Что мнѣ Мазепа другъ и дядя.
Чтишь славныхъ съ дѣтства я привыкъ;
Защишникъ Рима благородный,
Душою истинно свободный,
Дѣлами истинно великъ.
Но онъ достоинъ укоризны;
Согражданъ самъ онъ погубилъ:
Онъ торжество враговъ отчизны
Самоубійствомъ утвердилъ. —
Ты видишь самъ, какъ я страдаю,

Какъ жизнь въ изгнаньи тяжела;
Мнѣ смерть отрадою была:
Но жизнь и смерть я презираю....
Мнѣ надо жить; еще во мнѣ
Горитъ любовь къ родной странѣ.«—
- - - - - - - - - - - - - - - - - - - -
- - - - - - - - - - - - - - - - - - - -

Тутъ Войнаровскій замолчалъ;
Съ лица изчезнулъ мракъ печали,
Глаза слезами засверкали,
И онъ молиться тихо сталъ.
Гость просвѣщенный угадалъ,
Объ чемъ страдалецъ сей молился;
Онъ самъ невольно прослезился,
И нещастливцу руку далъ,
Въ душѣ съ тоской и грустью сильной,
Въ знакъ дружбы вѣрной, домогильной...

Дни уходили съ быстротой.
Зима обратно налетѣла
И хладною рукой одѣла
Природу въ саванъ снѣговой.

Въ пустынѣ странникъ просвѣщенной
Страдальца часто навѣщалъ,
Тоску и грусть съ нимъ раздѣлялъ,
И объ Украйнѣ незабвенной,
Какъ сынъ Украйны, онъ мечталъ.

Однажды онъ въ уединенье
Съ отрадной вѣстью о прощеньѣ
Къ страдальцу другу поспѣшалъ.
Морозъ трещалъ. Глухой тропою
Олень пернатою стрѣлою
Его на быстрой нартѣ мчалъ. [11]
Уже онъ ловитъ жадными взоромъ
Сквозь вѣтви древъ, въ глуши лѣсной,
Кровъ одинокой и простой
Съ полуразрушеннымъ заборомъ.

Съ какимъ восторгомъ сладкимъ я
Скажу: окончены страданья!
Мой другъ, покинь страну изгнанья!
Лети въ родимыя края!
Тамъ ждутъ тебя, въ странѣ прекрасной,
Благословенья земляковъ,
И кругъ друзей съ душою ясной

И мирный домъ твоихъ отцовъ!
Такъ добрый Миллеръ предавался
Дорогой сладостнымъ мечтамъ.
Но вотъ онъ къ низкимъ воротамъ
Пустынной хижины примчался.
Никто встрѣчать его не идетъ.
Онъ входитъ въ двери. Лучь привѣтной
Сквозь занесенный снѣгомъ ледъ
Украдкой свѣтъ угрюмой льетъ:
Всё пусто въ юртѣ безотвѣтной;
Лишь мракъ и холодъ въ ней живетъ.
»Всё въ запустѣньи! мыслитъ странникъ
Кудажъ сокрылся ты, изгнанникъ?« —
И думой мрачной отягчёнъ,
Тревожимъ тайною тоскою,
Идетъ на холмъ могильный онъ —
И что же видитъ предъ собою?

Подъ наклонившимся крестомъ,
Съ опущеннымъ на грудь челомъ,
Какъ грустный памятникъ могилы,
Изгнанникъ мрачный и унылый
Сидитъ на холмѣ гробовомъ
Въ оцепенѣньи роковомъ:

Въ глазахъ недвижныхъ хладъ кончины,
Какъ мраморъ лоснится чело,
И отъ сосѣдственной долины
Ужъ мертвеца до половины
Пушистымъ снѣгомъ занесло.

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ Первой части Войнаровскаго.

1. *Юрта*, жилище дикихъ Сибирскихъ обывателей. Онѣ бываютъ лѣтнія и зимнія, подвижныя и постоянныя; бываютъ бревенчатыя, берестянныя, иногда войлочныя и кожаныя.

2. *Ясакъ*, подать мѣхами собираемая съ Сибирскихъ народовъ.

3. *Варнакъ*, преступникъ, публично наказанный и заклейменый.

4. *Байкалъ*, Святое море или озеро, справедливѣе Ангарской провалъ, лежитъ въ Иркутской губерніи между 51° и 58° Сѣверной широты и между 121° и 127° Восточной долготы, считая отъ острова Ферро. Непостоянные вѣтры, безпрерывныя жестокія бури и непроницаемые туманы, особенно въ Ноябрѣ и Декабрѣ мѣсяцѣ бывающіе на семъ озерѣ, были причиною многихъ бѣдствій. Часто во время весьма хорошей погоды вѣтръ неожиданно и мгновенно перемѣняется, начинается буря и до того спокойныя и свѣтлыя воды Байкала подымаются горами, чернѣютъ, пѣнятся, ревутъ, и все представляетъ ужасное и вмѣстѣ величественное зрѣлище.

Въ странѣ той хладной и дубравной
Въ то время жилъ нашъ Миллеръ славной.

5. *Миллеръ*. Россійскій Исторіографъ Гергардъ Фридрихъ Миллеръ, родился 7 Октября 1705 года въ Вестфаліи. Первое воспитаніе получилъ онъ подъ надзоромъ отца своего, который былъ Ректоромъ Герфордской Гимназіи. Тогда еще открывалась въ юношѣ склонность къ Исторіи. Онъ любилъ по вечерамъ въ семейственномъ кругу разсказывать братьямъ и сестрамъ слышанное того утра о Грекахъ и Римлянахъ, съ жадностію читалъ жизни великихъ мужей древности; и когда Петръ I проѣзжалъ въ 1717 году чрезъ Герфордъ, двѣнадцати-лѣтній Миллеръ ушелъ тайнымъ образомъ босой изъ отцовскаго дома, чтобъ имѣть случай посмотрѣть на Великаго. На 17 году возраста Миллеръ отправился въ Лейпцигскій Университетъ, гдѣ довершилъ свое воспитаніе подъ руководствомъ Готтшеда, въ свое время ученѣйшаго мужа въ Германіи.

Между тѣмъ Петръ, окончивъ войну съ Швеціею, занялся исключительно водвореніемъ просвѣщенія въ своемъ отечествѣ. Зналъ, что прежде заведенія училищъ нужно было образовать учителей, онъ учредилъ Академію; и чтобъ достигнуть своей цѣли, далъ ей направленіе, сообщественное своимъ видамъ. Всѣ Европейскія заведенія сего рода состоятъ изъ ученыхъ людей, которые сочиненіями своими обязаны способствовать успѣху наукъ и искусствъ. С. Петербургская Академія, сверхъ сей обязанности, имѣла другую: образованіе молодыхъ Россіянъ,

которые въ свою очередь должны были сообщать пріобрѣтенныя познанія своимъ соотечественникамъ. Она была свѣтиломъ, котораго благотворные лучи должны были распространяться во всѣ концы Россіи. Президенту ея Блюменпросту поручено было вызвать для сего изъ Германіи ученыхъ, и по его-то приглашенію Миллеръ прибылъ въ Россію.

Петра I не стало, но намѣренія его исполнялись: Академія открыла свои засѣданія 16 Декабря 1725 года, и Миллеръ началъ свое поприще въ Россіи преподаваніемъ Латинскаго языка, Географіи и Исторіи въ верхнемъ классѣ Академической Гимназіи. Познанія его, рачительность въ исполненіи возложенной на него обязанности и точное исполненіе порученной ему Секретарской должности, во время которой онъ издалъ три части Комментаріевъ, заслужили ему всеобщее уваженіе. Въ половинѣ 1730 года Миллеръ произведенъ былъ въ Профессоры Исторіи и назначенъ дѣйствительнымъ Членомъ Академіи.

Скорое его возвышеніе поселило зависть въ людяхъ, которые хотя уступали ему въ познаніяхъ, но полагали, что имѣютъ равныя съ нимъ права на почести. Чтобъ удалиться отъ непріятностей, Миллеръ подъ предлогомъ домашнихъ обстоятельствъ поѣхалъ въ чужіе краи и во время сего путешествія имѣлъ случай оказать услугу Академіи, пріобрѣтши для нее новаго члена, ученаго Оріенталиста Кера, который положилъ основаніе нынѣшнему Азіятскому Минцъ-Кабинету при Петербургской Академіи Наукъ.

Новое важнѣйшее порученіе ожидало Миллера по возвращеніи его въ Россію. Въ это время Петербургская Академія Наукъ предприняла достойный ея трудъ. Снаряжена была экспедиція для приведенія въ извѣстность земель, составляющихъ Сѣверную часть Азіи. Профессоръ Делиль де ла Крокеръ отправленъ былъ для Астрономическихъ наблюденій; Гмелинъ долженъ былъ заняться описаніемъ всего, что касалось до естественныхъ наукъ, а Миллеру поручено было обратить вниманіе на Географію, древности и Исторію народовъ, населяющихъ Сибирь. Путешествіе сіе, начатое въ Февралѣ 1733 года, продолжалось 10 лѣтъ. Не будемъ слѣдовать за ученымъ изслѣдователемъ во время его пути, наблюдать съ нимъ вмѣстѣ обычаи Черемисовъ и Вотяковъ и простые нравы Телеутовъ, Тунгузовъ и Якутовъ. Довольно, если скажемъ, что онъ велъ подробный журналъ всему пути, самъ заготовлялъ карты оному, съ точнымъ означеніемъ мѣстности каждой страны, составлялъ Историческія и Географическія описанія городовъ, чрезъ которые проѣзжалъ, разбиралъ архивы оныхъ и тщательно выписывалъ все, что находилъ въ нихъ для Руской Исторіи, срисовывалъ вездѣ древности, какія ему попадались, и кромѣ того привезъ кучу замѣчаній о нравахъ, языкѣ и вѣрѣ народовъ, которыхъ посѣщалъ. Сіе множество трудовъ и суровый климатъ Сибири разстроили его здоровье. Онъ не могъ ѣхать далѣе Якутска, и больной возвратился въ Петербургъ въ 1743 году. Здѣсь къ физическимъ болѣзнямъ присоединились нравственныя. Въ отсутствіе Миллера сдѣланъ

былъ Президентомъ Академіи Шумахеръ, человѣкъ познаній ограниченныхъ, непрощавшій Миллеру его достоинствъ. Посредственность ненавидитъ истинное дарованіе. Шумахеръ, съ завистію смотрѣвшій на возвышеніе Миллера, еще болѣе возненавидѣлъ на него, когда сей возвратился изъ Сибири, предшествуемый славою, что кончилъ столь важное для наукъ порученіе. Миллеръ за десятилѣтніе труды свои получилъ вмѣсто награды однѣ непріятности. Онъ не оспоривалъ у другихъ права ползать передъ сильными, не искалъ посторонними путями и непозволенными средствами того, чего имѣлъ право требовать, не унижалъ дарованій своихъ измѣняя истинѣ, а потому имѣлъ многихъ непріятелей. Таубертъ, Тепловъ, и даже великій нашъ Ломоносовъ, ни въ чемъ нестерпѣвшій соперниковъ, были врагами Миллера. На полезные труды его не обращали вниманія и даже, повѣришь ли этому потомство, диссертацію о началѣ Рускаго народа, которую онъ напечаталъ на Латинскомъ и Рускомъ языкахъ и готовился читать въ публичномъ собраніи Академіи 5 Сентября 1743, въ день имянинъ Императрицы, запретили по тому только, что Исторіографъ утверждалъ въ ней, будто Рюрикъ вышелъ изъ Скандинавіи. Не смотря на сіи непріятности, Миллеръ, любившій науки не изъ личныхъ видовъ, и движимый любовію къ общей пользѣ, былъ неусыпенъ въ трудахъ своихъ. Казалось, что дѣятельность его возрастала съ препятствіями, какія онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу. За работою ученый мужъ находилъ утѣшеніе отъ несправедливости людей,

которыхъ описывы не доходили до его кабинета. По званію Россійскаго Исторіографа въ 1747 занимался онъ составленіемъ Сибирской и разными изслѣдованіями по части Россійской Исторіи и Географіи, составлялъ родословныя таблицы Россійскихъ Великихъ Князей, исправлялъ должность Конференцъ-Секретаря при Академіи, и былъ самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ изданіи ежемѣсячныхъ сочиненій съ 1757 по 1764 годъ.

Со вступленіемъ Императрицы Екатерины занялась въ Россіи новая заря на горизонтѣ наукъ. Заслуги Миллера были наконецъ уважены. По прозьбѣ Ив. Ив. Бецкаго назначенъ онъ былъ въ 1763 году Директоромъ Московскаго Воспитательнаго Дома, а въ 1766 по представленію Графа Никиты Ивановича Панина и Князя Александра Михайловича Голицына опредѣленъ въ начальники Московскаго Архива Иностранныхъ дѣлъ. Никто лучше Миллера не могъ исполнить обязанностей, сопряженныхъ съ симъ мѣстомъ. Онъ радовался какъ дитя, когда получилъ опое, и по цѣлымъ сушкамъ проводилъ въ семъ хранилищѣ отечественныхъ харшій, занимаясь приготовленіемъ матеріаловъ для Россійской Исторіи и объясненіемъ встрѣчающихся въ оной темныхъ мѣстъ. Государыня, бывъ еще Великою Княжною, знала Миллера и во время пребыванія его въ Москвѣ часто призывала его къ себѣ для совѣтовъ. Миллеръ былъ избранъ Академіею въ 1767 году Депутатомъ въ Коммиссію законовъ, находившуюся въ Москвѣ, и здѣсь предлагалъ различные планы для водворенія наукъ и распространенія про-

свѣщенія въ Россіи. Когда Коммиссія переведена была въ С. Петербургъ, онъ получилъ опъ Императрицы позволеніе остаться къ Москвѣ, и кромѣ Архива Иностранныхъ дѣлъ занялся по приказу Государыни разборомъ Архивовъ Разряднаго и Сибирскаго Приказа. Онъ работалъ съ утра до ночи, и жалѣлъ только, что ему минуло 63 года и онъ не будетъ имѣть ни времени, ни силы для исполненія ожиданій Монархини и соотечественниковъ. Въ 1775 году Академія поручила ему написать ея Исторію опъ самаго ея основанія. Въ томъ году праздновали 50 лѣтнее ея существованіе. Миллеръ, единственный изъ Членовъ, который находился при ея основаніи, былъ свидѣтелемъ и участникомъ въ томъ, что въ ней происходило во все время ея засѣданій, и потому лучше всякаго другаго могъ исполнить сіе назначеніе. Окончивъ сію работу, онъ занялся по прежнему извлеченіями изъ архивскихъ бумагъ и приготовленіями матеріаловъ для Русской Исторіи. Необъятный трудъ сей занималъ послѣдніе годы его жизни. Иногда для поправленія своего здоровья отвлекалъ онъ себя поѣздками въ города, лежащіе по близости Москвы: но и тутъ, чтобъ употребить время съ пользою, составлялъ Историческое и Географическое описаніе оныхъ. Миллеръ скончался въ 1783 году, имѣя 79 лѣтъ опъ роду.

Заслуги Миллера по нашей Исторіи болѣе или менѣе извѣстны всякому образованному Россіянину. Излишне было бы изчислять его сочиненія. Здѣсь прибавимъ только, что нравственныя его качества не уступали его познаніямъ. Миллеръ

зналъ, что человѣкъ готовящійся къ исправленію другихъ, долженъ самъ собою подавать примѣръ, что въ писателѣ добродѣтельная жизнь есть лучшее предисловіе къ его сочиненіямъ. Избравъ Россію своимъ отечествомъ, онъ любилъ ее какъ родный ея сынъ, всегда предпочиталъ ея пользу частнымъ выгодамъ, никогда не жаловался на оказанныя ему несправедливости и вездѣ, гдѣ могъ, старался быть ей полезнымъ. Никогда не унижалъ онъ достоинства своего лестію, искательствомъ; никогда не старался выставлять себя: скромность, отличительная черта истиннаго талланта, и даже нѣкоторая застѣнчивость, составляли главныя черты его характера. Многія особы, занимавшія послѣ важнѣйшія мѣста при Дворѣ Екатерины, обязаны ему своимъ воспитаніемъ. Онъ охотно помогалъ совѣтами молодымъ людямъ изъ Россіянъ, или иностраннымъ писателямъ, желавшимъ имѣть свѣденія по части Россійской Исторіи. Въ домашнемъ быту онъ служилъ образцемъ семейственнаго щастія, былъ лучшимъ супругомъ, лучшимъ отцомъ семейства. Онъ имѣлъ многихъ враговъ, которые завидуя его славѣ, старались очернить его въ глазахъ современниковъ; но справедливость восторжествовала: обвиненія ихъ внушенныя корыстолюбіемъ были опровергнуты, и Миллеръ въ концѣ жизни своей имѣлъ ушѣшеніе видѣть, что истинное достоинство найдетъ всегда защитниковъ и почитателей.

7. *Дяха*, шуба вверхъ шерстью, изъ шкуры дикой козы.

8. *Чебакъ*, большая теплая шапка съ ушами.

9. *Заимка*, внѣ города мѣсто, заняшое подъ часшный домъ, или кресшьянскій дворъ съ огородомъ и съ другими принадлежносшями; словомъ, Руская дача или Малороссійской хушоръ.

10. *Пальма*. Такъ называюшся въ Сибири длинные, широкіе и шолсшые ножи, укрѣпленные наиболѣе въ березовыхъ, для крѣпосши прокончennыхъ рашовищахъ, обшишыхъ снаружи кожею. Съ ними Якуши, Юкагиры и другіе Сѣверные народы ходящъ на лосей, медвѣдей, волковъ и проч.

11. *Жирникъ*. Ночникъ съ какимъ нибудь масломъ или жиромъ, засвѣчаемый на ночь.

12. *Хвосшовскій* (Хвосшовъ, мѣсшечко въ Кіевской губерніи, Васильковскаго уѣзда), Полковникъ *Симеонъ Палѣй*, ошважный предводишель Заднѣпровскихъ наѣздниковъ, родился въ Борзнѣ, и сшалъ славенъ подвигами около 1690 года. Подъ рукою Геншмана своего *Самуся* онъ, какъ владѣшельный Князь, бралъ данъ съ земель по Двѣсшръ и Слугу, запиралъ Россію и Польшу опъ Ташаръ, нерѣдко вшоргался въ Орды Буджацкую и Бѣлгородскую, и захвашилъ однажды въ плѣнъ самаго Салшана. Получалъ опъ первыхъ наградъ, бралъ опъ другихъ добычи и выкупы. Очаковъ не разъ видалъ его испребишельный пламень вокругъ спѣнъ своихъ. Возспавъ на Поляковъ за ихъ неправды, онъ поцалъ въ плѣнъ, но вырвался изъ крѣпкой шюрьмы Магдебургской и спорицею запланилъ ему за свою неволю, разбивъ Поляковъ подъ Хвосповымъ, подъ Бердичевымъ, и покорившись Россіи. Въ 1694 году съ Мокіевскимъ набѣ-

жавъ на Турокъ подъ Очаковымъ, не вкладывая сабли въ ножны съ Черниговскимъ Полковникомъ Лизогубомъ вторгся въ орду Буджацкую. Добыча и побѣда увѣнчали оба предпріятія. Удалые промыслы его надъ Поляками перемежались только тогда, какъ онъ громилъ Ташаръ. Онъ бралъ и палилъ Польскіе города и опустошивъ край Волыни, овладѣлъ Трояновкою. Между тѣмъ коварный Мазепа, завистливый къ славѣ, жадный къ богатству, недовѣрчивый къ силѣ Самуся и Палѣя, своихъ соперниковъ, старался очернить ихъ въ глазахъ Петра Великаго. Съ навѣтами представилъ и доказательства: жалобы Августа, письма Вишоцкаго и Яблоновскаго, которые писали: что „Палѣй вьетъ себѣ разбойничьи гнѣзды въ крѣпостяхъ Ржечи-Посполитой и кормится хлѣбомъ, котораго не сѣялъ.“ Мазепа тайно дѣйствовалъ противъ Самуся и Палѣя, а они явно воевали Польшу. Первый занялъ Богуславъ, Корсунь, Бердичевъ; второй взялъ Немировъ и Бѣлую Церковь. Перерѣзали шамъ Шляхтичей и Жидовъ, и всѣхъ окружныхъ крестьянъ подняли на Поляковъ, обѣщая имъ права и вѣчную свободу. Мазепа жаловался на ослушанье, Августъ просилъ удовлетворенія: Петръ повелѣвалъ оставить въ покоѣ своего союзника; но ожесточенные полководцы дѣлали свое, ни чему не внимая. Наконецъ рѣшился Мазепа извести Палѣя, какъ бы то ни было. Окруженный всѣмъ своимъ войскомъ, выступившимъ тогда на помощь Августу противъ Шведовъ, сильный собственною властію и милостію Царскою, онъ не смѣлъ однакожъ захватить Палѣя силою; позвалъ къ себѣ въ гости въ Бер-

дичевъ и за дружескою чашею заковалъ довѣрчиваго героя въ цѣпи, какъ это видно изъ слѣдующихъ стиховъ одной пѣсни:

„Ой пье Палій, ой пье Семенъ, да головоньку клонитъ,
„А Мазепинъ чура (*) Палію Семену кайданы готовитъ."

Въ слѣдъ за симъ онъ отослалъ его въ Башурину, извѣщая Головина, что Палѣй оказался явнымъ измѣнникомъ Государю и передался Карлу XII, въ надеждѣ черезъ посредство Любомирскихъ получить Гетманство въ Малороссіи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ отправленъ въ Москву, а оттолѣ по Указу Государеву сосланъ въ Енисейскъ, гдѣ цѣлыя пять лѣтъ томился вдалекѣ отъ родины и родныхъ, снѣдаемъ тоскою бездѣйствія и неволи. Измѣна Мазепы открыла глаза Петру и онъ посреди заботъ военныхъ вспомнилъ объ оклевещанномъ Палеѣ, и возвратилъ ему имущество, чинъ и свободу. Но какъ земная вдасть могла возвратить ему здоровье! Однакожъ послѣдніе дни Палѣевой жизни были отрадны для сердца стараго воина. Онъ пріѣхалъ къ войску въ день Полтавской битвы, сѣлъ на коня и поддерживаемый двумя Козаками, явился передъ своими. Радостные клики огласили воздухъ — видъ Палѣя воспламенилъ всѣхъ мужествомъ. Старикъ ввелъ Козаковъ въ дѣло и хотя сабля его не могла уже разить враговъ, но еще однажды указала путь къ побѣдѣ. Весело было умирать послѣ Полтавскаго сраженія:—недолго пережилъ его и Палѣй отъ язвъ, трудовъ, лѣтъ, нещастій и славы.

(*) *Чура* — слуга.

Въ характерѣ сего безстрашнаго вождя Украинцовъ видны всѣ черты дикаго рыцарства. Открытъ въ дружбѣ и жестокъ въ мести. Дѣятеленъ и смѣшливъ въ войнѣ, которая стала его стихіею — онъ не менѣе былъ искусенъ и въ распорядкѣ дѣлъ Гетманскихъ, которыя велись его головою; ибо Самуся лишась его, сложилъ булаву правленія. Когда имя Палѣево сторожило границу Заднѣпріи, Татары не нарушали ея покоя и Поляки не смѣли тамъ умничать. Попеременно вождь и подчиненный, онъ умѣлъ повиноваться своеизбранной власти и строго хранить ему врученную; былъ любимъ какъ братъ своими товарищами, и какъ отецъ своими Козаками. Когда Мазепа захватилъ его, то на силу могъ взять Бѣлую Церковь и то измѣною мѣщанъ. „Умремъ тутъ вси, говорили Казаки Палѣевы, а не поддадимся, коли нѣтъ здѣсь нашего батьки.“ Врагъ Татаръ за ихъ грабежи, врагъ Поляковъ за ихъ утѣсненія—онъ въ обоихъ случаяхъ былъ полезенъ Россіи, хотя не вполнѣ исполнялъ ея требованія, какъ воспитанникъ необузданной свободы. Сынъ сего неустрашимаго воина по неотступной прозьбѣ старшинъ Бѣлоцерковскаго полка заступилъ его мѣсто.

13. *Ватага.* Малороссійское слово, имѣетъ слѣдующія значенія: толпа, шайка, стадо, стая, ватага разбишакъ, шайка разбойниковъ. (Коллярев.)

14. *Гайдамакъ.* Иногда удалецъ, иногда разбойникъ; слово сіе, какъ видно изъ его корня, взято съ Татарскаго языка, и въ собственномъ смыслѣ

значишъ, *бродяга*, или бѣглецъ; по сему Гайдамаки въ Малороссіи значатъ тоже, что *Ускоки* у Славянъ Иллирійскихъ.

15. *Толокно*. Мука изъ пересушеннаго овса. Извѣстно, что въ дальнихъ своихъ походахъ, какъ нынѣ въ *чумакованьѣ*, то есть, поѣздкахъ за рыбою и солью, Малороссіяне запасались всегда небольшимъ количествомъ толокна или гречневыхъ крупъ для кашицы, которую называютъ они *кулишъ*. Умѣренность есть одна изъ похвальныхъ добродѣтелей сихъ простодушныхъ сыновъ природы. Идучи обозомъ, они останавливаются въ полѣ, разводятъ огонь и всѣмъ *кошемъ*, т. е. артелью, садятся за кашицу, которую варятъ для нихъ такъ называемый *кашеваръ*. Кто ѣдетъ въ осеннюю ночь по степнымъ полямъ Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерній, тому часто случается видѣть нѣсколько такихъ огней, мелькающихъ какъ звѣздочки въ разныхъ разстояніяхъ на гладкой, необозримой равнинѣ.

16. *Хуторъ*. Небольшая деревушка, часто одинъ домъ, стоящій среди поля или въ лѣсу, въ сторонѣ отъ жилыхъ мѣстъ. Обыкновенно почти такіе хутора строются при яругахъ, лѣсистыхъ оврагахъ, или подъ прикрытіемъ *тапыжника* (дробнолѣска).

17. *Курень*. Хижина или землянка, въ каковыхъ и понынѣ еще живутъ многіе Черноморскіе Казаки. Нѣсколько такихъ куреней состоятъ подъ вѣденіемъ *Куреннаго*, или старшины, назначаемаго отъ начальства.

18. *Курганы.* Высокія земляныя насыпи, видимыя и нынѣ во многихъ мѣстахъ Малороссіи и Украины. Курганы сіи служили иногда общими могилами на мѣстахъ столь частыхъ стибокъ, бывавшихъ у Малороссіянъ съ всегдашними ихъ врагами Татарами, и во время отторженія ихъ отъ Польши, съ Поляками; въ таковыхъ курганахъ и понынѣ при разрытіи оныхъ находятъ кости и волосы человѣческіе, недотлѣвшіе лоскутки одеждъ, отломки орудій, старинныя монеты, стклянницы и т. п. Иногда же цѣлый рядъ таковыхъ кургановъ, идущій на далекое пространство по одному направленію, подобно цѣпи горъ, служилъ какъ бы ведетами или подзорными возвышеніями, для наблюденія за непріятелемъ. Таковыхъ кургановъ много можно видѣть по древнимъ границамъ Малороссіи и Украины съ ордою Крымскою, особливо въ губерніяхъ Слободско-Украинской и Полтавской.